

Глава 19

Методология познания мира политического

Важной составной частью политической философии и политической науки является методология, представляющая собой определенный способ видения и организации исследования. Она включает систему аналитических методов и приемов, проверок и оценок концептуального и идейного арсеналов, в совокупности составляющих общий подход к решению стоящих перед данной наукой проблем. С методологией тесно связаны методы, процедуры и процессы, технические приемы и средства исследования и анализа, а также проверки и оценки данных. Известный германский философ К.Ясперс считал, что всякая подлинная наука представляет собой знание о методах и границах этой науки. В целом методология представляет собой комплекс правил и критериев интерпретации фактов, исследовательских планов, приемов сбора данных и т.д. Очевидно, что она тесно связана с теорией, которая в свою очередь является частью господствующей в данный период общественно-политической парадигмы.

19.1. Рационализм и позитивизм в политической науке

Для развития методологии изучения мира политического основополагающее значение имело то, что она формировалась и утверждалась в русле рационалистической традиции.

Основоположники социальных и гуманитарных наук испытывали сильное влияние моделей универсальной рациональности и ньютоновского механистически-сциентистского видения мира, с четко очерченными законами и закономерностями, причинно-следственными детерминациями и т.д. Р.Декарту принадлежит тезис, согласно которому животное есть лишь сложная машина. Т.Гоббс развил этот тезис, в полной мере перенеся его на человека. В "Левиафане" человек характеризуется как машина, жизнедеятельность которой изображается в виде движения ее частей: сердца-пружины, нервов-нитей, суставов-колес и т.д. Более того, Гоббс рассматривал само государство в качестве грандиозного и искусственного человека — Левиафана, в котором разыгрываются исключительно механистические процессы и взаимоотношения. Тем самым, у Гоббса рационализм и абсолютизм слились в великом синтезе. Пожалуй, наиболее полное выражение эта традиция нашла в произведении Ж.Ламетри "Человек-машина" (1747), в котором человек рассматривался как самозаводящаяся машина, подобная часовому механизму.

Представители рационалистической традиции видели в науке тот ключ, которому под силу открыть все двери от тайн как природы, так и социального мира, в том числе и мира политического. Еще Т.Гоббс говорил о необходимости создания науки о политике, которая бы заняла свое место рядом с наукой Коперника, Кеплера и Галилея, причем такой наукой он считал философию государства. В русле этой традиции О.Конт обосновывал мысль, что политическую науку можно возвести в ранг опытных наук. В своей ставшей известной речи в 1862 г. Г.Гельмгольц практически уравнивал гуманитарные и естественные науки, хотя и признавал, что индуктивный метод применительно к историческому познанию находится совсем в иных условиях, нежели при естественно-научных исследованиях. Симптоматично, что, решительно отстаивая и защищая теоретическо-познавательную самостоятельность гуманитарных наук, известный немецкий исследователь В.Дильтей соглашался с тем, что для последних образцом являются естественные науки. В XIX — начале XX в. сперва О.Конт, К.Маркс, Ф.Энгельс и их последователи, а затем Э.Дюркгейм, В.Парето, Г.Моска и др. анализировали политические феномены в более широком контексте социальных наук в целом в терминах непреложных закономерностей и причинно-следственных связей.

В формировании методологии изучения мира политического с самого начала прослеживались две главные тенденции. В конце XIX в. были сформулированы основные критерии разграничения естественных и общественных наук. Если первые были охарактеризованы как генерализирующие, в которых преобладают общие закономерности развития и строго очерченные причинно-следственные связи, то вторые были отнесены к типу индивидуализирующих, в которых превалировали индивидуальные, не повторяющиеся феномены и события. Но тем не менее, как говорилось выше, в политологии стран континентальной Европы утвердилась тенденция к синтезу эмпирического и теоретического начал, в то время как политология англосаксонских стран, особенно США, развиваясь в русле

позитивизма, во все более растущей степени претендовала на статус точной науки наравне с естественными науками.

В политической науке позитивистский подход основывается на посылке о единообразии, повторяемости и исчислимости элементов и компонентов, лежащих в основе политических феноменов. Это более или менее последовательно изложил американский политолог А.Г.Кэтлин в книге "Наука и метод политики" (1927), в которой была предпринята попытка разработать "чистую науку о политике", свободную от каких бы то ни было ценностных доводов и аргументов. В соответствии с такой установкой в 20-х — 30-х годах в политической науке США неуклонно утверждался позитивизм в его сциентистских формах, что фактически вело к изгнанию из исследований теоретического, философского, мировоззренческого начал. Важной вехой в утверждении позитивистской методологии стала так называемая бихевиористская революция, развернувшаяся в социальных науках Запада, особенно США, после второй мировой войны. Утвердившийся первоначально в социологии, психологии и социальной психологии бихевиористский подход имел своей целью исследование прежде всего поведения отдельного индивида, группы, разного рода социальных, культурных, профессиональных и иных общностей. Этот подход был призван определить реальные параметры и причины политического поведения на массовом уровне и соответственно политических процессов и функционирования политических систем. Если традиционная политическая наука делала ударение на формально-юридическом анализе государственно-правовых и политических институтов, формальной структуре политической организации общества, то объектом анализа бихевиористской политологии являлись различные аспекты поведения людей как участников политического процесса.

Позитивизм и сциентизм в социальных и гуманитарных науках, в том числе в политологии, означали ориентацию на количественные и статистические методы исследования, построение отвлеченных моделей, использование методов естественных наук, особенно математики, освобождение от ценностей, объективность и т.д. Одной из главных характеристик позитивизма, в том числе и бихевиоризма, является постулат о разграничении фактов и ценностей, о неприемлемости ценностного подхода в политологическом исследовании. Утвердилось мнение, что политологи должны оставить морально-этические вопросы философам и заниматься преимущественно описанием и анализом поведения участников политического процесса. Считалось также, что политическую науку необходимо отделить от политической философии и теории, поставив при этом во главу угла фактологическое исследование.

Объявив политологию наукой, свободной от ценностей, теории и идеологии, приверженцы позитивизма взяли на вооружение заимствованные из точных наук модели и методы исследования. Особенно широкое применение получили математические методы и связанная с ними квантификация. Были установлены тесные междисциплинарные связи политической науки с другими общественными науками (культурной антропологией, психологией, социологией, историей и т.д.). Политическая наука оказалась на перекрестке междисциплинарного движения, охватившего почти все общественные науки. Она получила благоприятные возможности для всестороннего исследования массовых движений и широких социальных процессов, которые традиционной политологией либо отодвигались на задний план, либо вовсе игнорировались.

Большую популярность в политической науке приобрела так называемая теория рационального выбора, которая основывается на "методологическом индивидуализме". Суть последнего состоит в утверждении, что все социальные феномены, в том числе политические, можно вывести из поведения отдельных людей. По мнению ее сторонников, политические факторы — избиратели, политики, бюрократы — преследуют цель максимизации своих материальных интересов, в поисках блага и выгоды в форме голосов, должностей, власти и т.д. Модели, созданные на основе теории рационального выбора с использованием математических методов, затрагивают наиболее сложные аспекты политических явлений — поведение и субъективный выбор индивидуальных и коллективных участников этих явлений.

В условиях парламентской демократии, всеобщего голосования, плюрализма политических партий и организаций, представляющих разнородные заинтересованные группы и социальные слои, очевидно, что ни одно правительство не может завоевать власть без согласия и доброй воли большинства населения. Здесь состояние умов общества, социально-психологический климат, общественное мнение имеют немаловажное значение. Более того, при парламентском режиме как ценность правительственных программ, так и достоинства политических деятелей обычно оцениваются и измеряются их популярностью и уровнем поддержки общественности. В рамках бихевиористской методологии и ее исследовательского арсенала важнейшим

инструментом выявления соотношения и состояния общественных умонастроений, ориентации, установок, позиций широких масс людей по важнейшим политическим вопросам стали опросы общественного мнения.

Развитие методологии опросов и всего комплекса исследовательских приемов и инструментов бихевиоризма и неопозитивизма позволило ответить на многие вопросы, например:

существуют ли особые признаки, присущие исключительно той или иной нации, и особые субкультуры? Если да, то в каком плане и в какой степени? Имеют ли четкие ориентации в отношении политики социальные классы, функциональные группы и элиты и какую роль в формировании этих ориентации играет политическая социализация?

Следует отметить, что на этом поприще западная политология добилась значительных успехов в исследовании процессов и механизмов функционирования политических систем, институтов, партий, различных ветвей, уровней и органов власти, политического и избирательного процессов, поведения избирателей, результатов голосований и т.д. Поэтому очевидна необходимость тщательного изучения этого опыта и выявления оправдавших себя приемов и методов исследования для их применения в нашей политологии.

Вместе с тем следует учесть, что при всей разработанности исследовательского аппарата позитивизм оказался не способен охватить и раскрыть политические феномены и процессы во всей их полноте и многообразии. Позитивизм считает единственно верными лишь те факты, которые либо экспериментально подтверждены, либо получены с помощью формально-логических или математически формализованных методов, заимствованных в естественных и технических науках. Тем самым отвергаются как ненаучные выводы, умозаключения ценностного, мировоззренческого, идеологического характера. Рассуждения вроде "свобода предпочтительнее равенства", "государственное состояние лучше анархии" и т.д. предполагают, что говорящий занимает определенную позицию, и неприемлемы для позитивизма, поскольку их нельзя квантифицировать и верифицировать с помощью математических или иных сциентистских методов. При этом, рассматривая государство и политические институты с точки зрения их функциональной эффективности и рациональной организации управления, представители позитивизма и бихевиоризма стали отводить науке самодовлеющую роль в решении важнейших социально-экономических проблем.

В послевоенный период получили широкое распространение социологический позитивизм и эмпирическая социология, методы и приемы которых стали неотъемлемой частью политической науки. В 1956 г. П.Ласлет опубликовал получившую большую известность статью, в которой обосновывалась мысль о "смерти" политической философии. Он, в частности, утверждал, что развитие логического позитивизма привело к смерти политической философии как предмета академических исследований. В тот период апогеи позитивизма выразился в широко популярной концепции о конце идеологии, которая имела особенно далеко идущие последствия для политической науки.

Однако, как показывает опыт развития социальных и гуманитарных наук, оставаясь на почве исключительно эмпирических фактов, абстрагируясь от ценностей, норм, теоретического и идеального начал, невозможно раскрыть реальное содержание политических феноменов. Более того, позитивизм и связанные с ним сциентизм, квантификация и математизация в общественных науках могут способствовать замене реальных процессов уравнениями и безжизненными абстракциями. Они навязывают способ познания, скопированный с естественной науки, и нейтрализуют всякое стремление к пониманию истинно социального в социальной действительности. Касаясь последствий одного из основополагающих принципов позитивизма — квантификации, которая приобрела чрезмерные масштабы, Г.Алмонд и С.Джинкоу вынуждены были признать, что квантификация при всех ее достоинствах "породила значительное число псевдонаучных опытов", которые выпячивают форму, а не сущность исследуемой проблемы [85].

Политолог Д.Риччи даже написал объемный труд "Трагедия политической науки". И вполне правомерным представляется вывод американского политолога С.Хэкмана о том, что к середине 70-х годов характерный для западных обществоведов консенсус относительно позитивизма как методологической основы социальных наук стал "реликтом прошлого". По словам другого американского политолога Ф.Долмейра, "влияние логического позитивизма, сфокусированного на научной эпистемологии", в основном пришло к концу, уступив место "постэмпирическим проектам". Стали говорить даже о смерти позитивизма. Естественно, что реакция против почти безраздельного господства позитивизма выразилась прежде всего в распространении в западной политической науке новейших течений постбихевиоризма и постпозитивизма, в возрождении интереса к политической теории и философии, ценностным и идеальным началам в политике.

19.2. Возрождение политической теории

Показательно, что в 60-х — 70-х годах самые последовательные сторонники позитивизма и бихевиоризма также были вынуждены прислушиваться к новым веяниям. Так, Д.Истон сформулировал следующие положения постбихевиоризма. Во-первых, сущности принадлежит приоритет перед техникой. Важнее понять смысл актуальных социальных проблем, чем в совершенстве владеть техникой исследования. Во-вторых, делать упор на описание фактов значит ограничить свое понимание этих фактов. Чрезмерное увеличение исследованием поведения ведет к утрате связи с действительностью, сокрытию "грубой реальности" политики. Поэтому задача постбихевиоризма заключается в том, чтобы помочь политической науке стать на службу действительным потребностям человечества в период кризиса. В-третьих, изучение и конструктивная разработка ценностей являются неотъемлемой частью изучения политики. В-четвертых, политологи несут ответственность перед обществом, и их роль, равно как и всей интеллигенции, состоит в защите человеческих ценностей. В-пятых, знать значит действовать, а действовать значит участвовать в перестройке общества.

Результатом кризиса позитивизма и бихевиоризма стало появление множества концепций теоретического и мировоззренческого уклона, попыток возрождения в новых модификациях традиционных подходов. Так, английский политолог Ф.Ридли, отстаивая формально-юридический, или институционалистский, подход, утверждал, что решающее влияние на политическое поведение оказывает характер существующих институтов, получивший свое воплощение в законодательстве, а не наоборот, как полагали бихевиористы.

Тенденция к неуклонному усилению внимания исследователей к политической философии и теории особенно четко проявилась в работе известного американского философа К.Скиннера "Возвращение большой теории в гуманитарные науки", само название которой говорит о позиции автора. Как бы подтверждая правоту Скиннера, уже на рубеже 50-х — 60-х годов, несмотря на широкую популярность концепции о конце идеологии, появился ряд работ по политической философии и истории политических учений и теорий от античности до нашего времени. С рассматриваемой точки зрения немаловажное значение имели работы, посвященные различным течениям идейно-политической мысли и политической идеологии. Возрастанию значения теории в политических исследованиях способствовали работы Дж.Роулса "Теория справедливости" (1971), Р.Нозика "Анархия, государство и утопия" (1974), Ю.Хабермаса и других представителей так называемой критической теории.

Кризис позитивизма проявился также в наметившейся в 70-х годах реидеологизации социальных наук, в том числе политологии. Если в конце 50-х — 60-х годах тон задавали те представители общественно-политической мысли, которые отстаивали получившую широкую популярность концепцию о конце идеологии, то в данный период появилось много работ, авторы которых ставили своей целью показать несостоятельность попыток изображения политики как сферы, свободной от ценностей, и необходимость анализировать ее в тесной связи с идеологией.

Симптоматично, что тезис о необходимости реидеологизации обосновывался многими авторами теми доводами, что идеологию можно противопоставить тенденции к технизации и овеществлению общественной и политической жизни. При этом следует отметить, что речь идет отнюдь не о "смерти" или исчезновении позитивизма, а о выдвижении новых его модификаций, о синтезе с другими методологическими и идейно-политическими конструкциями. Даже те новые подходы и концепции, которые вышли на передний план под флагом критики позитивизма, сохраняют важнейшие компоненты позитивистской методологии.

19.3. В чем состоит научность политической науки?

Позитивизм, используя методы и методологию естественных и точных наук, стал рассматривать политические феномены и процессы в контексте строгого детерминизма. Политической системе были по сути приданы контуры и параметры завершенной системы, функционирующей в соответствии с некоторыми четко очерченными закономерностями. Однако, как показывает исторический опыт, для общественно-политических явлений и процессов не применима категория "закономерность" в смысле строгой причинно-следственной детерминированности. Закономерность или закон в таком понимании исключает случайность или в лучшем случае отводит ей второстепенное место. Только уже сформировавшиеся и завершенные, находящиеся в некоем равновесном состоянии реальности, можно разложить на составные элементы, сосчитать, измерить, расставить в причинно-следственной последовательности, объяснить в рамках того или иного закона или закономерности. Общественно-политические явления же характеризуются динамизмом, постоянной изменчивостью, подверженностью множеству

случайностей, непредсказуемым внешним влияниям, что крайне затрудняет рассмотрение их в рамках сколько-нибудь строго детерминированных причинно-следственных связей. В 20-х годах развитие квантовой теории бросило вызов той модели, которая рассматривала природу как некий часовой механизм, где все и вся детерминировано. Было установлено, что фундаментальную важность для всех физических процессов имеют индетерминизм и случайность. Индетерминизм не всегда и не обязательно есть отрицание детерминизма как такового или причинно-следственных связей. Он предусматривает, что каждая конкретная ситуация создает собственную конфигурацию расположения причинно-образующих факторов, причем тенденции и процессы формирования такой конфигурации не всегда поддаются сколько-нибудь четко фиксированным закономерностям и императивам. Поэтому большинство прогнозов, которые строятся на экстраполяции количественных параметров наличной на данный момент ситуации на возможные в будущем ситуации, несостоятельны. Индетерминизм, признавая фактор случайности, отвергает лишь абсолютность необходимости, но не причинность вообще. Он исходит из того, что история имеет множество смыслов. Незавершенность социальной деятельности и действительности оставляет место для различных путей и направлений их развития и соответственно различных интерпретаций. Это тем более верно в отношении общественно-политической системы, где основополагающее значение имеют выбор, потребности, интересы и цели людей. Разумеется, для политологии, как и для других социальных и гуманитарных дисциплин, важное значение имеет сохранение некоторого однообразия в протекании и разворачивании политических явлений и процессов. Здесь закономерность и причинность в смысле причинно-следственной детерминации не исчезают совсем. Например, очевидно, что в периоды экономических трудностей и неурядиц находящаяся у власти партия или коалиция теряет сторонников, а оппозиционные партии, наоборот, завоевывают поддержку более широких слоев населения и в случае выборов могут прийти к власти. В периоды военной угрозы или международных кризисов большинство населения, как правило, спланивается вокруг действующего правительства и т.д. Дж.С.Милль утверждал, что "индуктивные науки в Новейшее время больше сделали для прогресса логического метода, чем все профессиональные философы". Это, по-видимому, верно, но вопрос в том и состоит, что социально-исторические и общественно-политические феномены и процессы не всегда поддаются строго логическому анализу и закономерностям причинно-следственной детерминации. Здесь естественно-научное сознание должно признать свои собственные возможности и границы, учитывая, что познание социально-политического мира невозможно поднять до уровня науки путем применения индуктивных методов естественных наук.

Политология — это естественная наука в том смысле, что люди и политические институты являются объективно существующими феноменами, деятельность которых происходит в соответствии с определенными закономерностями, и поддаются квантификации, количественному измерению и математическим методам анализа. Вместе с тем важно учитывать, что четко сформулированные логические теории, привлекая своей стройностью, на поверку оказываются слишком упрощенными и механистическими. Говорят, что Н.Бор не доверял чисто формальным и математическим доводам. "Нет, нет,— часто повторял он,— вы не размышляете, вы просто логично рассуждаете". Мало что дает и стремление к поискам математически точных определений и формулировок, которые позволили бы втиснуть в их рамки все многообразие реальностей жизни.

В этой связи Й.Шумпетер сетовал на то, что английские политэкономисты XIX в., стремясь к постоянному совершенствованию своих дефиниций, оказались не в состоянии дать современникам четкого экономического руководства. Политический анализ — это в некотором роде искусство реконструкции не только рациональных, поддающихся квантификации, калькуляции мотивов, интересов людей, но также их иррациональных, подсознательных, неосознанных побуждений, которые невозможно квантифицировать и математизировать, требуют воображения, интуиции, психологического проникновения и т.д. Разумеется, мы можем выразить и измерить в количественных терминах результаты выборов, их стоимость в долларах, динамику изменения численности сторонников тех или иных партий. Но такие важные категории, как благосостояние, свобода, равенство, справедливость, невозможно выразить в каких бы то ни было количественных терминах.

Вспомнив еще раз слова Эктона о том, что "любая власть развращает, а большая власть развращает абсолютно", приходим к очевидному выводу: весьма трудно, если не невозможно, достоверно и конкретно определить ту черту, за которой власть становится большой, а развращенность абсолютной. Причем эти слова следует рассматривать не как неоспоримый постулат в духе непреложного естественного закона, а как тенденцию, возможность реализации,

формы и степень которой зависят от конкретных личностей, обстоятельств, условий и т.д. В данном контексте политический анализ требует воображения, своего рода способности мысленно экспериментировать по принципу: что было бы, если бы произошло то-то или было предпринято то-то. Он сопряжен не только с ретроспективой, но и перспективой в смысле предвидения и предвосхищения событий.

Важную роль в выявлении особенностей и характеристик политических феноменов играют просто наблюдения за ними в течение более или менее длительного исторического периода. Именно на таких наблюдениях, а не на строгом научном анализе были построены, например, ставшие общепринятыми следующие постулаты: "человеку свойственно стремление к власти", "человек стремится к власти ради осуществления своих эгоистических интересов", "чувство страха толкает людей к бегству от свободы в объятия тиранов", "свобода экономического выбора неотделима от политической свободы".

19.4. Политическая символика и политико-культурный подход

Истина об общественной жизни лежит как в объективной реальности, так и в сферах мифологического, традиционного и т.д., оказывающих значительное влияние на формирование основных контуров картины мира и их содержание. К тому же в современных условиях ряд важнейших социальных и политических проблем в обществе приобретает социокультурное измерение. Поэтому очевидно, что политические реалии, в том числе и политическое поведение отдельного человека или той или иной социальной группы в конкретных ситуациях, невозможно адекватно объяснить без учета социокультурного фона политических явлений. Использование средств массовой информации, особенно визуальных, еще более усиливает значимость чувственного, эмоционального, иррационального за счет рационального. Это предполагает преодоление функционализации личности, отказ от трактовки всех ее деяний и действий в терминах экономического, технологического или иных форм детерминизма, реабилитации непосредственных чувственных восприятий, эмоций, антипатий и симпатий, всего того, что мы причисляем к социально-психологической и социокультурной сферам, ко всему тому, что способствует самоидентификации нации или иной социальной общности. Человек как социальное существо имеет индивидуальное, групповое, национально-историческое, социокультурное, общечеловеческое и иные измерения. Поэтому он является предметом изучения различных обществоведческих дисциплин — антропологии, этнографии, социологии, философии и т.д. Естественно, что человек как центральный субъект политических отношений и политического процесса не может оставаться вне поля зрения политологии. Наука, претендующая на освещение реальной жизни, где центральное место занимает человек, не вправе игнорировать то, что можно обозначить понятием "человеческое измерение", которое весьма трудно, если не невозможно, втиснуть в прокрустово ложе каких бы то ни было искусственно сконструированных теорий, моделей, математических формул и т.д. Постигать не поддающееся количественным измерениям и строго научному анализу духовное начало, символический аспект общественной жизни — удел интуиции. С этой точки зрения можно понять тех представителей западной общественно-политической мысли, которые сетуют на дегуманизацию политической науки, на исчезновение человека, его интересов и потребностей из фокуса ее внимания. Необходимо восстановить роль и значение человеческой личности как главного субъекта общественно-исторического процесса, вернуть в центр исследования человека, его интересы, потребности, устремления.

Социально-политическая жизнь во многом носит символический характер, хотя и не сводится к комплексу представлений, химер и символов. Утверждать, что жизнь символична, значит утверждать, что она должна быть понята и интерпретирована. Как отмечает французский политолог С.Ляуш, "переход от представления к конкретному жесту является моментом соприкосновения субъекта (индивидуума, социального класса, политической партии, нации и т.д.) с миром". Вопрос "Как познать социальную реальность?" ведет к вопросу "Что такое социальная реальность?", который в свою очередь рождает вопрос "Что такое человек?". Другими словами, для адекватного познания социальной действительности необходимо занять антропологическую позицию, утверждающую постулат о культурной природе человека, о том, что он является существом не только экономическим и политическим, но одновременно и социокультурным. В таком качестве рациональные компоненты в его сознании тесно переплетаются с элементами эмоционально-волевыми, мифологическими, традиционными, национально-психологическими, "трайбалистскими" и т.д. Естественно, рационализированные материальные интересы социальных слоев, классов, групп представляют собой могущественные детерминирующий и динамический факторы, вносящие решающий вклад в развитие

общественно-исторического процесса. Однако такие категории, как патриотизм, семейная, общинная, национальная или иная форма лояльности, мифы, обычаи и традиции, тоже играют значительную роль в детерминации содержания и направленности общественных процессов и политического поведения различных категорий людей.

Мифы, традиции, обычаи в целом нерациональны по своей сущности, по крайней мере в том смысле, что они не контролируются тем, что мы называем логическим. Порой они базируются скорее на вере, убеждении, чем на разуме, скорее на идеалах, чем на реальностях. Они составляют часть мира, в котором мы живем. Поэтому их нельзя отбрасывать как бесполезные фикции, заблуждения, как нечто нереальное. Истина об общественной жизни лежит как в объективной реальности, так и в сфере мифологического, традиционного.

На политическое поведение людей часто гораздо более сильное влияние оказывает то, как они оценивают действия правительства, политических партий и деятелей, чем реальное содержание этих действий. Большое значение в интерпретации указанных действий имеет господствующая в обществе система политической символики. Без символов и знаков невозможно представить себе практическую и духовную жизнь общества. Когда речь идет о значении символов, исследование вторгается в сферу эпистемологии и семиотики. В то же время, поскольку символы и символическая система играют важную роль в достижении спаянности и преемственности любого общества, их изучение поднимает более глубокие проблемы социальной организации и легитимизации.

Символы и знаки представляют собой орудия, с помощью которых люди взаимодействуют друг с другом, и в этом отношении они являются средствами регуляции социального поведения.

Каждая нация, каждый народ, каждое сообщество людей в процессе своей истории вырабатывает собственный образ или самообраз, который в значительной мере выражается в разного рода символах и знаках. Поскольку любая информация, воспринимаемая субъектом, предстает в его глазах в качестве некоторой совокупности визуальных и звуковых символов и знаков, то он расшифровывает ее в формулах, имеющих для него смысл. При этом усваиваются и воспринимаются лишь те из них, которые укладываются в систему координат его мировоззрения и картины мира.

Важно учитывать, что тот или иной знак, жест может служить в качестве адекватного элемента коммуникации, если он несет в себе одинаковый для всех ее участников смысл. Так, избиратель может голосовать разными способами — поднятием руки, опусканием бюллетеня и т.д., но не всякое поднятие руки или опускание бюллетеня есть акт голосования. Необходимо, чтобы таковым его считали все те, для кого оно имеет значение.

Эффективным средством в руках политолога может стать политико-культурный подход, призванный объять социокультурное измерение политики. Он позволяет преодолеть формально-юридическое понимание политики, традиционный подход к политике в терминах политической системы, государственно-правовых институтов и т.д. Обосновывая необходимость отказа от формально-правового подхода к политике, один из зачинателей концепции политической культуры Г. Алмонд предлагал выделить два уровня исследования политической системы: институциональный и ориентационный. Если первый-уровень концентрирует внимание на исследовании институциональной структуры политической системы, то второй уровень предусматривает изучение ориентации людей на эту систему и институты. Комплекс этих ориентации, включающих когнитивные (познавательные), аффективные (эмоциональные) и ценностные, Алмонд назвал политической культурой. Тем самым субъективный аспект политического он поднял до уровня значимости институциональной структуры.

Интегрируя в себя методы социологии, социокультурологии, социальной психологии и политической науки, политико-культурный подход дает возможность основательнее понять реальные механизмы и закономерности реализации политических процессов.

19.5. Объяснение или понимание

Незавершенность социальной и политической действительности, ее многообразие и многовариантность оставляют место для различных ее интерпретаций. К тому же познание социальной действительности связано с изменением самой этой действительности. Сам акт познания может поставить под сомнение существующий порядок и даже подорвать его, причем это будет следствием не практического, применения результатов познания, а самого процесса познания. Если в естественных науках упор делается на объяснении. Объяснить значит выявить внутренние и внешние связи между составными частями лабораторного эксперимента, призванного повторить или создать природный эффект.

В сфере социального речь идет не только об объяснении вещей, но и об адекватном их понимании в смысле постижения. Объяснить социальный феномен значит прежде всего описать его. Например, объяснение-описание экономического кризиса заключается в установлении предшествовавших ему спекуляций, первых банкротств, повышений банковских учетных ставок и т.д. Описание составляет существенную часть социальных и гуманитарных дисциплин и основу классифицирующего знания. Поскольку социальное представляет собой процесс реализации потребностей и устремлений людей, то понять его значит определить совокупность намерений и представлений, лежащих в основе социальных феноменов. Классифицирующее знание требует теоретического фундамента, который в социальных и гуманитарных науках пронизан идеологическим содержанием. Поэтому очевидно, что концепция социальной и гуманитарной науки, скопированная с естественной науки, была бы слишком ограниченной и бедной. Как отмечал Х.-Г.Гадамер [15, с. 39]:

...науки о духе сближаются с такими способами постижения, которые лежат за пределами науки: с опытом философии, с опытом искусства, с опытом самой истории. Все это такие способы постижения, в которых возвещает о себе истина, не подлежащая верификации методологическими средствами науки.

Дело в том, что социальные факты не являются таковыми в смысле застывших, овеществленных фактов природы. Они слагаются из действий людей и носят динамический характер. Здесь немаловажную роль играют, как образно говорит С.Лятуш, человеческие "жесты", которые, вызывая социальную трансформацию, оставляют ощутимые результаты в виде, например, произведений искусства, предметов потребления, машин, законов и т.д. Они составляют "социальную реальность в процессе реализации" [132, с. 49]. Оторвать результаты от сотворивших их "жестов" значит закрыть путь к адекватному пониманию социальной реальности, которая отличается от природной тем, что является "эпистемологическим субъектом", поскольку исследующий ее ученый интегрально включен в нее, т.е. ученый — часть исследуемого им объекта и в некотором роде участвует в процессе его воспроизводства. Так, например, Фукидид, Цезарь, Платон, Аристотель, Макиавелли, Маркс в качестве исторических субъектов в той или иной степени вмешивались своими практическими действиями в те феномены и процессы, которые они анализировали. Фукидид был изгнан из Афин как сторонник аристократии. Цезарь сам представлял себя читателю в своих "Комментариях о галльской войне". Платон пытался реализовать на практике собственные теории в Сиракузах и написал, потерпев при этом неудачу, свои "Законы". Аристотель составил конституцию своего родного города Стагира. Макиавелли руководил иностранными делами Флоренции и на основе уроков, извлеченных из этого опыта, написал книгу "Государь". Маркс анализировал необходимость исчезновения капитализма, руководя Первым Интернационалом. Как указывалось выше, политическая система, политические институты и сфера общественно-политической мысли находятся в тесном взаимодействии друг с другом, испытывая взаимное влияние. Уже в силу этого политический анализ не может основываться на одних только фактах, поскольку они приобретают значимость лишь в той мере, в какой их можно соотносить с целым, обеспечивающим теоретически обоснованный контекст для интерпретации фактов. В определенном смысле невозможно рассматривать политические институты в отрыве от политической мысли, поскольку мысль и действие пронизывают друг друга. Задача политолога состоит в достижении самого тесного взаимодействия теории и эмпирического начала, рефлексии и действия, интерпретации и практической вовлеченности. В странах Запада достижения и разработки обществоведческих дисциплин нередко используются для решения экономических, социальных, политических и иных проблем. Показательно, что на протяжении всей истории западного обществознания происходила социологизация его отраслей, усиление их прикладного характера. В частности, развитие эмпирических исследований в области политической социологии имело своей целью оказание практической помощи государству путем составления конкретных рекомендаций по реализации политического контроля над обществом. В последние десятилетия в результате взаимодействия и взаимослияния, с одной стороны, политологов, социологов, политэкономистов и т.д., а с другой — представителей государственно-политических институтов в большинстве развитых стран Запада образовался своего рода политико-академический комплекс. Видные представители общественных наук часто совмещали и продолжают совмещать политическую и академическую виды деятельности.

В "Критике чистого разума" И.Кант показал, что средства научного познания не в состоянии дать необходимую и обязательную для всех картину мира. Указав науке ее пределы, он провозгласил самостоятельность нравственных и эстетических доводов. Кант полагал, что нормы науки составляют лишь один аспект в уяснении высших ценностей. Наряду с ними и независимо от них действуют также нормы нравственного сознания и эстетического чувства. И в наше время, когда беспрецедентно высок уровень развития научных знаний, многие ученые четко осознают необходимость признания наукой собственных границ и возможностей. Обосновывая мысль о том, что познание социально-исторического мира не может подняться до уровня науки путем применения индуктивных методов естественных наук, Х.-Г.Гадамер подчеркивал [15, с. 445—446]:

...единичное не служит простым подтверждением закономерности, которая в практических обстоятельствах позволяет делать предсказания. Напротив, идеалом здесь должно быть понимание самого явления в его однократной и исторической конкретности.

Нельзя забывать, что зачастую политики и государственные деятели принимают решения на основе скорее сложившихся у них мнений и даже интуиции, а не только научного знания, математических формул и расчетов. В этом смысле политика скорее искусство, чем наука. Без добротной гипотезы эмпирические данные могут быть просто бесполезны. Здесь воображение и научное знание действуют параллельно, т.е. функции художника и ученого совпадают. Изображение мира политики в целом можно представить не как фотографирование, а как создание художником портрета. То, что художник изображает, — не точная фотография, это концепция характера, его собственное видение изображаемого объекта, а не то, что мог бы видеть, скажем, полицейский. Аналогично, мир, который мы рисуем в наших политических рассуждениях, не только воспринимается, но и постигается. В нашем изображении политической реальности мы скорее представляем наши политические доводы, нежели воспроизводим политическую практику. Это по сути субъективный образ. Доводы, образ, оценка — часть мира политики, так же как портрет, созданный художником, является частью мира последнего. В противоположность платоновскому разграничению знания и веры в мире политического знание и есть вера.

19.6. Проблема соотношения средств и целей в политологическом исследовании

Виндельбанд и Риккерт, подчеркивая радикальное различие между естественными и общественными науками, сводили его к различию между категориями причинности и ценности. И действительно, если для первых основополагающее значение имеет выявление фактов, их последовательности, причин и следствий, то для вторых главными являются цели и средства. Без проникновения в сферу целей и идеалов не может быть речи и об адекватном изучении мира политического. Например, политика совершенно не одно и то же для Н.Макиавелли, допускавшего любой произвол со стороны государя в интересах государства, и Ж.-Ж.Руссо, озабоченного мыслью об обеспечении всеобщего блага. Вопрос о политической ассоциации — это вопрос о ранжировке человеческих ценностей и наилучших средств их достижения, что относится к моральному вопросу. Другими словами, политология представляет собой моральную науку. Политолог концентрирует внимание в первую очередь на наиболее актуальных на данный момент политических проблемах, не скрывая своих симпатий и антипатий. При этом он исходит из того, что наука не может быть ценностно нейтральной. Факт нельзя отделить от ценности, ценностные соображения должны быть соотнесены со знанием. В этом смысле политическую науку можно определить как систематическое изучение системы управления и политического процесса с точки зрения мира сущего и мира должного. Это говорит о том, что политолог должен нести ответственность за общество, защищая человеческие ценности и не превращаясь в изолированного от общественных проблем бесстрастного техника. Он должен поставить знания на службу обществу. Изучение политики уже само по себе представляет собой политический акт, и человек, занимающийся ею, должен способствовать искоренению всех форм несправедливости. Политическое включает как статику, так и динамику, воплощающиеся соответственно в политическом порядке и политическом процессе. Важно учесть, что динамизм бытия делает его вечно незавершенным и, наоборот, незавершенность бытия есть признак его динамизма.

Творение мира никогда не прекращается, и, говоря словами В.Соловьева, человек как соработник Божий активно участвует в незавершенном еще сотворении мира. Именно в силу этой незавершенности и открытости социального и политического мира политология должна концентрировать внимание на его динамической стороне. Сущностная характеристика политики — не покой, а движение, и в центре внимания политической науки находится политический процесс. Поэтому прав Ж.Бюрдю, который говорил, что "политика не дает себя сфотографировать".

Однако динамику мира политического нельзя правильно понять без всестороннего исследования существующей в каждый данный исторический период ситуации. Политология, являясь научной дисциплиной, должна в одинаковой степени охватывать как действующий политический порядок, где доминируют постоянные, неизменные величины, так и политический процесс, где доминируют переменные величины. Политический порядок включает структурные и системные элементы. Здесь важно исследовать проблемы политического господства и правления, господства и сотрудничества; формирования власти и политического неравенства; механизма правления в рамках различных государственно-политических систем; отношения людей с институтами власти; механизмов обеспечения единства, жизнеспособности и бесперебойного функционирования общества; политической социализации.

В данном контексте политология призвана ответить на вопросы: какова сущность государства? Какие именно институты определяют лицо того или иного государства? Определяется ли форма государства экономикой и социальной структурой? Какова форма взаимоотношений между государствами на мировой арене? Какие другие формы общественно политической организации возможны кроме государства?

19.7. Системность политической науки

Очевидно, что все науки, как естественные, так и социальные и гуманитарные, невозможно поставить в один ряд, связав их неким универсальным методом, основанным на монистическом законе в смысле регулярного постоянства явлений. Это относится и к политологии. Она призвана охватить и исследовать мир политического во всей его тотальности.

Основополагающим его принципом является разграничение не факта и ценности или средства и цели, а части и целого. Чтобы соотнести часть с целым, необходимо рассматривать различные части в рамках целого. Например, отдельного индивида невозможно понять в собственных терминах, если не учесть, что индивидуальные цели и идентичность конструируются его участием в семейных отношениях; семью в свою очередь нужно рассматривать в более широком контексте социальных и политических отношений.

Любая функциональная политическая система испытывает на себе влияние со стороны других политических систем. К примеру, городское правительство не может игнорировать существование национального правительства, национальные правительства должны приспособляться к факту существования других национальных правительств, союзов, коалиций, международных организаций и т.д.

Политическое имеет системный, структурный и функциональный аспекты. Растущая дифференциация на всех уровнях и во всех сферах общественной жизни ведет к тому, что различные социальные организации, феномены и процессы, такие, как семья, труд, образование, культура и т.д., получают все большую автономию. Но это не означает, что они отгораживаются друг от друга и функционируют сами по себе. Скорее наоборот. Эволюция современного общества представляет собой двуединый процесс. С одной стороны, это возрастание дифференциации, а с другой — увеличение, расширение, появление новых форм взаимозависимости различных сфер, институтов, организаций, заинтересованных групп и т.д. Последние становятся более специализированными, но в то же время они в большей степени нуждаются в ресурсах друг друга. В современном мире разворачиваются более сложные и многосторонние процессы взаимного обмена и взаимного стимулирования в самом широком значении слова как в позитивном, так и негативном аспектах.

Все это говорит о том, что арсенал исследовательских методов, средств и инструментов политической науки должен включать системный анализ. Разработанный в 30-х годах системный анализ стал достоянием социальных и гуманитарных наук сравнительно недавно. Первоначально он был сформулирован и использовался представителями естественных наук. Здесь следует прежде всего назвать работу физиолога У.Кэннона "Мудрость тела", опубликованную еще в 1932 г. и сыгравшую большую роль во внедрении системного анализа в социальные науки. Именно в ней впервые было разработано понятие "гомеостазис", означающее

состояние равновесия в системе. Важное значение имели также работы Л.Берталини по биологии и общему системному анализу. Политологи же, хотя прямо не обращались к этим работам, все же не могли не испытать их влияние через широко известные работы Т.Парсонса, Дж.Хоманса, Р.Мертона и других исследователей, которые в 40-х — 50-х годах стали широко использовать достижения системников в социологии и экономической науке. Именно благодаря этим достижениям им удалось разработать теорию структурно-функционального анализа, ставшую после второй мировой войны одним из основных методологических подходов в изучении общества.

С позиции системного анализа любые сообщества можно рассматривать как постоянные образования, функционирующие в рамках более широкой среды. Они характеризуются как целостные системы, состоящие из определенного комплекса взаимозависимых элементов, которые можно вычленировать и анализировать. Системы имеют довольно четкие границы, отделяющие их от окружающей среды, причем они проявляют тенденцию к равновесию. В 50-х — 60-х годах в плане внедрения системного анализа в политологические исследования большой вклад внесли работы К.Эрроу, Э.Доунса, Д.Блэка, Дж.Бьюкенена, Г.Тэллока и др. Особенно большую роль сыграли Д.Истон, К.Дойч, Г.Алмонд и другие американские исследователи. Суть системного анализа состоит в том, что мир политического изучается как комплекс элементов, образующих целостную систему в ее связи со средой — гражданским обществом и экономико-хозяйственной системой. Обосновывая необходимость внедрения системного анализа в политическую науку, Д.Истон писал [108]:

В самое последнее время понятие системы стало привлекать особое внимание, став основанием для определенной точки зрения на вещи от рассмотрения мельчайшей клетки человеческого тела как системы до все более крупных и емких систем - самого человеческого существа как организма, человеческой личности, малых групп и крупных учреждений, обществ и совокупности общества, такой как международная система.

Одной из причин, способствовавших внедрению системного анализа, стал своеобразный теоретический голод, ощущавшийся в начале 50-х годов многими представителями политической науки — была необходима общая теория политики. Но все же приверженцы системного анализа видели свою задачу в построении так называемых теорий среднего уровня, или сравнительной политической теории, которые должны были обеспечить переход от эмпирических данных к теоретическим обобщениям.

Заметим, что само понятие "политическая система" стало возможным с введением в политическую науку системного анализа. Необходимость использования его в политической науке вызвана прежде всего многообразием и многосложностью самого мира политического. Выше уже отмечалось, что политология по своей природе — междисциплинарная наука. Она стоит как бы на пересечении многих социальных и гуманитарных наук. При этом политико-культурный подход основывается на широком использовании междисциплинарных методов исследования.

Наиболее явно междисциплинарный характер политологических исследований проявляется при системном анализе, предполагающем всестороннее изучение политических феноменов с использованием методов, инструментов, систем аргументаций других социальных, гуманитарных и отчасти естественных наук. Системный анализ включает стандартизацию и унификацию научных понятий, систематизацию и упорядочение знаний о политических феноменах и реальностях.

Для любой системы, в том числе политической, характерны три основополагающих измерения: ставшее, или реально существующее и проявляющееся в структуре; действие, поведение или функция; становление или эволюция. В идеале системный анализ должен охватить все три измерения в совокупности. Однако в реальной исследовательской практике главное внимание системники концентрируют на первых двух измерениях, отодвигая на задний план третий. Это объяснимо, если учесть, что системный анализ наиболее эффективен там, где существует некое равновесие, факты определены, приобрели более или менее завершенные очертания, их можно систематизировать, свести к количественным параметрам, легко поддающимся обработке статистическими и математическими методами.

Важно отметить и то, что у приверженцев системного анализа могут быть разные цели, поэтому результаты их изысканий будут различаться. Так, если один из основоположников структурно-функционального подхода Т.Парсонс концентрировал внимание на диалектической взаимосвязи

между структурой и функциями составных элементов социальных систем, то Д.Истон поставил своей целью провести анализ механизма обратной связи между результатами политики, поддержкой большинством населения политической системы и требованиями к ней. В системном анализе, как его понимал Г.Алмонд, выделяются понятия "вход" и "выход". На входе политической системы решающую роль играют такие компоненты, как политическая социализация, вычленение и формулирование интересов, их представительство в политике, политическая коммуникация. На выходе мы имеем определение правил или законов, программ, политических курсов, их применение и контроль за соблюдением. Очевидно, что системный подход позволяет анализировать политические феномены во всей их сложности и взаимопереплетенности, при этом учитываются как социальные основания политики, так и обратное влияние последней на социальные реальности.

19.8. Сравнительный метод

В настоящее время самостоятельный крупный раздел политической науки составляют сравнительные исследования. Данная проблема отчасти уже затрагивалась в гл. 1. Здесь попытаемся ответить на вопросы: что же понимается под сравнительным исследованием или сравнительным анализом и каков его предмет?

Если, например, попытаться сравнить отдельные политические системы по количеству составляющих ее граждан, следовало бы использовать демографическую статистику для установления ранжировки этих систем по численности населения соответствующих стран. Но этого недостаточно для определения сущностных характеристик самих систем. Сравнение различных обществ по среднему доходу, по числу радиоприемников и телевизоров, приходящихся на каждую тысячу человек и т.д., как правило, тоже не дает представления о самой политической системе.

Системы правления можно сравнивать по временному и пространственному, или географическому, принципам. В первом случае это первобытная, античная, традиционная, современная, а во втором — европейская, азиатская, африканская, американская, латиноамериканская и иные системы. Можно назвать ряд других параметров сравнения. Проблема состоит в том, чтобы выбрать такие компоненты и элементы, которые бы в отдельности или в совокупности позволяли судить о тех или иных сущностных характеристиках сравниваемых объектов. Например, классификация или типологизация политических систем уже сама по себе предполагает сравнение. Но его можно провести по различным параметрам. С этой точки зрения одна из главных задач, встающих перед политологом-компаративистом, — выбор параметров, поддающихся сравнению друг с другом.

Следует отметить, что в рассматриваемом контексте в политологии, как и в других социальных и гуманитарных науках, положение иное, чем в естественных науках. Например, в химии и физике сравниваемые переменные величины можно воспроизводить в лабораторных условиях, что отнюдь не скажешь о социальных или политических феноменах. Здесь сравнения можно осуществлять лишь условно, косвенно. Именно так решил стоявшую перед ним проблему М.Вебер в своем сравнительном исследовании религий, с помощью которого он пытался определить связь экономической этики в различных религиях с возникновением капитализма. Политологическое сравнительное исследование базируется на фундаментальном допущении, что человеческое поведение представляет собой постоянную величину, что оно будет одинаковым в одинаковых обстоятельствах независимо от места и времени. В данном случае существенное место занимает предварительная гипотеза. Так, если анализировать партийные и избирательные системы различных стран, возникает конкретная проблема относительно того, в каких именно условиях утверждаются однопартийная, двухпартийная, многопартийная и смешанная партийная системы.

В компаративистике используется множество подходов в зависимости от объекта исследования — системный, политико-культурный, структурно-функциональный и т.д. К важнейшим понятиям, особенно часто используемым при сравнительных исследованиях, относятся политическая система, политическая структура, "политические функции", "политическая социализация", "политическая культура" и т.д. В центре внимания исследователя, как правило, находятся структуры, процессы, функции различных политических систем и режимов в различных национально-культурных и исторических условиях, их специфические особенности, различия и точки схождения. Для того чтобы понять истинную сущность мира политического, необходимо изучать различные формы его проявления, аспекты в разных странах и регионах, у разных наций и народов, в различных социально-экономических, общественно-исторических ситуациях и т.д. В этом контексте в качестве объектов сравнительного анализа могут быть

выбраны их формы, типы и разновидности политических систем в целом, но можно концентрировать внимание и на конкретных ее составляющих, таких, как государственные институты, законодательные органы, партии и партийные системы, избирательные системы, механизмы политической социализации.

19.9. Язык и понятийно-категориальный аппарат политической науки

Ф.Бэкон среди четырех выделенных им призраков — идолов племени, пещеры, театра и рынка — особо важное значение придавал последним. Они, по Бэкону, вызваны к жизни существованием языка, служащего в качестве объединяющего людей начала. И действительно, политические феномены невозможно понять вне системы общения и механизмов политической коммуникации, которые в одинаковой степени связаны как со сферой общественного сознания, так и с социокультурной и политико-культурной сферами, с миром политического в целом в собственном смысле слова. В качестве важнейших средств коммуникации выступают, естественно, политический язык, политическая символика, понятийно-категориальный аппарат и т.д.

Язык, по справедливому замечанию канадского исследователя Ф.Дюмона, можно рассматривать одновременно и как средство, и как среду общения. Когда человек выступает в качестве субъекта речи, он намеревается утвердить свои собственные цели. Тогда язык составляет средство реализации намерений. При этом язык используется и для того, чтобы с помощью слов понять окружающий мир. Тогда язык превращается в некую среду, в которой действует человек. Здесь язык выступает в качестве культурной среды обитания человека. По своей значимости в качестве предмета политологического исследования политический язык можно поставить рядом с такими проблемами, как политическое поведение, процесс принятия решений, избирательный процесс и т.д.

В свете достижений электронной технологии и средств массовой информации значительно возросло значение так называемой символической коммуникации в обеспечении жизнеспособности и регулирования политических систем современности. Коммуникация представляет собой непрерывный поток и обмен посланиями или постоянную трансмиссию информации между различными субъектами коммуникации. В конечном счете создается всеохватывающая коммуникационная сеть. Значимость приобретают выяснение достоверности источников и каналов коммуникации, адресата, сложности механизмов кодирования и декодирования, адекватности обратной связи. Язык действует в некотором роде как связующее звено политического общества, как инструмент поддержания необходимого информационного уровня общества. С сугубо практической точки зрения целью языковой коммуникации является как информирование, так и убеждение.

Выражаемые через язык идеи и установки служат не в качестве зеркального отражения реальной действительности, а как средства, с помощью которых люди пытаются понять и интерпретировать эту действительность. Поэтому в мире политического иногда иллюзию власти трудно отличить от реальной власти. Здесь часто значимость приобретают не только реальные действия и меры правительства или государства, тех или иных общественно-политических образований, но и то, как они оцениваются и воспринимаются, в каком контексте подаются, и т.д. Способ и средство передачи сообщения столь же важны, как и его содержание. Содержание и стиль политических действий невозможно отделить друг от друга.

Иначе говоря, в политике значение имеет не только то, о чем говорится, но и то, как об этом говорится. Язык — одновременно средство и общения, и контроля. По справедливому замечанию Г.Кресса и Р.Ходжа, "языковая форма позволяет передавать информацию и исказить ее". Слово несет в себе огромный содержательный и эмоциональный заряд. С помощью простой замены или перестановки слов один и тот же факт можно изобразить совершенно по-разному. Например, можно сказать об Оресте, убившем свою мать: "Орест — мститель за своего отца", но можно сказать и иначе: "Орест — убийца своей матери". Эта особенность языка позволяет не только информировать аудиторию, но и манипулировать ее сознанием, трактовать информацию в пользу заинтересованной стороны. При анализе политических феноменов и реалий необходимо исходить из факта существования действительного мира политического, лишь частью которого являются язык и символы. Социально-политическая практика не есть просто эффект речи или языка. Адекватное познание его возможно лишь при признании факта существования различных, в том числе и ложных, форм языка, которые противоречат друг другу. Такая позиция возводит теоретический плюрализм в принцип. Нет одного единственного

инстинного языка, точно так же как нельзя говорить о завершенности истории. Множественность противоречивых языковых форм — это факт, который невозможно отрицать. Поэтому объект политологии, как и большинства других общественных наук, проблематичен в том смысле, что в поддающихся обозрению фактах и феноменах исследования стерты или отодвинуты на задний план работа языка, подсознание и история. А. Тойнби не без оснований отмечал, что "история языка — это конспект истории общества". Политический словарь развивается в связи с историческими реальностями и самым тесным образом связан с общенаучным словарем эпохи. Более того, именно используемые терминология и понятия могут помочь определить период (по крайней мере нижние хронологические границы) возникновения той или иной политической доктрины. Если, например, понятия "полис", "политика", "демократия" и т.д. возникли в эпоху античности, то такие понятия, как "суверенитет", "радикализм" и т.д., вошли в обиход в Новое время. Многие биологические метафоры, характерные для политической науки XIX — начала XX в., ассоциировались с идеей органического государства. А популярные ныне термины "системный анализ", "политический процесс", "модель" и др. связаны с механистической концепцией государства, которая в свою очередь связана с физикой и технологией. Такие термины, как "установки", "перекрестное давление", "взаимодействие", "правила игры" и т.п., заимствованы из прикладной социологии, основанной на позитивизме.

Показательно, что в реальностях европейской интеграции все чаще говорят о европейском языке, или евроязыке, представляющем собой с языковедческой точки зрения комплекс специальных терминов, неологизмов, аббревиатур, метафор и т.д., применяющихся в тех случаях, когда речь идет о новых политических и правовых явлениях в Европе. Симптоматично, что само понятие "Европа" в этом языке приобрело новый смысл и стало использоваться как синоним понятий "единая Европа", "объединенная Европа", "интеграция". Появилась группа производных от этих слов: европеизм, европеист, европеизация, европеизирование, проевропейский, антиевропейский и т.д. К числу неологизмов относятся такие слова, как евростандарт, евродепутат, евросфера, еврократ, европессимизм, еврооптимизм и пр. Все более популярными становятся термины: европейское экономическое пространство, европейское информационное пространство, европейская валютная система, европейское политическое сотрудничество, европейское правовое сотрудничество и др.

Понятия "правые" и "левые", "консерватизм", "либерализм" и "радикализм" получили хождение в общественном сознании в XIX в. С тех пор в перипетиях бурных XIX и XX вв. вкладываемое в них содержание существенно, а в некоторых отношениях радикально изменилось. Ряд важнейших их функций претерпел инверсию: некогда консервативные идеи приобрели либеральное значение и наоборот. Потерял убедительность принцип, согласно которому индивидуалистические ценности жестко привязывались к правому флангу идейно-политического спектра, а коллективистские ценности — к его левому флангу. В свете сказанного нуждаются в переосмыслении и более четком толковании с учетом нынешних реальностей такие понятия, как "левые", "правые", "консерватизм", "либерализм" и др. Становится очевидным, что определение того или иного течения политической мысли как некоторого комплекса неизменных и однозначно трактуемых идей, концепций и доктрин может лишь исказить его действительную сущность, поскольку одни и те же идеи и концепции в разные исторические периоды и в различных социально-экономических и политических контекстах могут быть интерпретированы и использованы по-разному.

О том, насколько сильно политический язык испытывает на себе влияние конкретных общественно-исторической и социально-политической ситуаций, можно понять на примерах нацистской Германии и большевистского режима в нашей стране. В Германии был создан особый идеологизированный язык (*Lingua Tertii Imperii* — LTI) — язык Третьего рейха. Для него были характерны введение множества неологизмов и изменение, выхолащивание и фальсификация старых общепринятых терминов и понятий, которые были приспособлены к духу и форме нацистской идеологии.

Далеко идущие планы в этом контексте вынашивались у нас в стране. В 30-е годы на высоком академическом уровне были сделаны попытки применения классового подхода в языкознании и лингвистике. Более того, в тот период известный языковед академик Марр и его школа предприняли усилия по созданию так называемого классового языка. Дискуссии и споры по этому вопросу прекратились лишь с выходом в 1951 г. работы И.В. Сталина "Марксизм и вопросы языкознания". Классовый язык, естественно, создать не удалось, но зато была достигнута высочайшая степень идеологизации политического (да и не только) языка. Здесь бескомпромиссная дихотомическая конфронтационность в идеологической сфере проявилась в создании и институционализации соответствующих целям реализации этой

конфронтационности лексики, выражений, оборотов речи, клише, языковых стереотипов, которые в совокупности и составили наш советский новояз.

О том, в какой степени политический язык испытывает на себе влияние конкретной общественно-исторической ситуации, свидетельствует пример ФРГ и бывшей ГДР, для которых при общем для обеих стран национальном языке было характерно нечто вроде языкового отчуждения. Показательно, например, что понятие "пацифизм" в словарях, изданных в ФРГ, определялось как "отказ от войны по религиозным или этическим соображениям", а в словарях, изданных в ГДР,— как "буржуазное политическое течение, выступающее под лозунгом "мир любой ценой, против любых, в том числе оборонительных и освободительных войн". С разным оттенком использовалось, например, слово "массы". Если в ФРГ оно приобрело негативный оттенок и заменялось более нейтральными словами типа "трудящееся население", то в ГДР оно употреблялось исключительно в положительном значении, как, например, в выражении "творческая инициатива масс".

С рассматриваемой точки зрения интерес представляет феномен неологизмов, которые быстро исчезают с исчезновением породившей их обстановки. Так, в нацистской Германии прочно вошли в повседневный обиход выражения "германский дух", "народно-немецкая сущность" и т.п., а в социалистической ГДР множество неологизмов с компонентом Volk — народ: "народные выборы", "народная собственность", "народная газета", "народная полиция" и т.д. Важность изложенного особенно очевидна, если учесть, что политика в некотором смысле — это система человеческих отношений, осуществляемых во многом с помощью языка. Поэтому без изучения политического языка нет и не может быть политологии, заслуживающей данное название. Именно изучение языка призвано выявить содержание мифов, иллюзий, стереотипов и в более широком смысле всего комплекса пропозиций, играющих определяющую роль в политическом дискурсе.

О значимости политического языка в политологическом анализе свидетельствует тот факт, что в 60-х — 70-х годах на Западе была поставлена задача превратить герменевтику, возникшую в XIX в. и рассматривавшуюся в качестве вспомогательной дисциплины — "искусство понимания текстов", в универсальную философскую дисциплину. В качестве первоосновы герменевтики для ее приверженцев служит язык, поскольку, как считает один из ее теоретиков Х.Г. Гадамер, "связь человека с миром есть связь языковая, а значит, понятная с самого начала.

Герменевтика... в этом смысле есть универсальный аспект философии, а не только методическая основа так называемых гуманитарных наук". Овладение языком следует рассматривать как первую и самую важную стадию социализации, в процессе которой индивид ассимилирует все формы восприятия и ценностные системы, которые детерминируют его личностные характеристики. Более того, как отмечал Гадамер [15, с. 447], "существует фундаментальное единство мысли, языка и мира. Человеческие отношения, как и отношения человека к миру, являются лингвистическими и раскрываются в языке". Другими словами, герменевтика рассматривает язык как "форму выражения бытия и человеческого существования".

Все чаще западная политология в качестве руководящего принципа использует методологию близкой герменевтике аналитической философии языка. Ее суть состоит в анализе конкретных понятий из самых разных сфер и областей знания — политической, экономической, социокультурной, религиозной и т.д. Она делает упор на проблематике значения, выяснении смысла высказываний, его происхождении, эволюции и функционировании. В настоящее время западными политологами опубликовано множество работ, написанных в русле герменевтики и аналитической философии.

Немаловажный вопрос, с которым мы сталкиваемся всякий раз, когда ставим перед собой задачу вычленив какую-либо научную дисциплину из всей совокупности научных дисциплин,— это вопрос о понятийно-категориальном аппарате этой дисциплины.

Показательно, что для иллюстрации безграничного переплетения понятийных методических проблем, существующих в науках о культуре, М.Вебер приводил следующую шкалу понятий [10, с. 404]:

Понятия родовые, идеальные типы, идеально-типические родовые понятия, идеи в качестве эмпирически присущих историческим лицам мысленных связей, идеальные типы этих идей, идеалы исторических лиц, идеальные типы этих идеалов, идеалы, с которыми историк соотносит историю, теоретические конструкции, пользующиеся в качестве иллюстрации эмпирические данные, историческое исследование, использующее теоретические понятия в качестве пограничных идеальных случаев

Примечательно, что члены Венского кружка — основатели школы логического позитивизма считали, что почти все проблемы в обществе порождены неопределенностью понятий, терминов, слов и т.д. Следовательно, для адекватного профессионального изучения мира политического, политических феноменов необходимо определить, вычленив и уточнить языковые формы, категории и понятия политологии. Политика зачастую представляет собой не столько четко очерченную, раз и навсегда фиксированную сферу, сколько то, что сами люди считают политикой, хотя ее и нельзя рассматривать всецело как результат некоего вербального произвола. Это вполне естественно, особенно если учесть, что власть и политика являются выражением человеческих отношений и представлений об этих отношениях. Поэтому немаловажное место в политологии занимает выявление содержания используемых ею понятий и категорий. На эту сторону политической науки с самого начала обращали большое внимание наиболее пытливые представители данной дисциплины. Примечательно, что в Германии сложилась академическая школа "Истории понятий" (Begriffsgeschichte), оказавшая серьезное влияние на понятийно-категориальный аппарат социальных и гуманитарных наук Запада. Ведущую роль в ней сыграли Р.Козеллек и О.Бруннер. Нельзя не упомянуть вышедший в 1962 г. фундаментальный труд французского исследователя Ж.Дюбуа "Политический и социальный словарь во Франции в период 1869—1872 гг." Множество работ на эту тему вышло и в других западных странах. Сложилась традиция, когда анализ понятий рассматривается в качестве методологии, с помощью которой ученый упорядочивает и, если это возможно, совершенствует понятийно-категориальный инструментарий своих исследований.

Как известно, уже для Н.Макиавелли и Дж. Гоббса отправной точкой служило положение о том, что представления о социальных и политических изменениях не только находят отражение в сознании, а затем и в языке, но и создаются сознанием с помощью языка. В "Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия" Макиавелли, в частности, писал, что люди в своих оценках событий старого и нынешнего времени по тем или иным причинам обладают заведомыми представлениями, определяющими их дальнейшие действия и мировосприятие и постоянно меняющимися в течение человеческой жизни. У Гоббса в "Левиафане" также встречаются схожие положения о необходимости предваряющих знаний о мире при его познании. Это, согласно Гоббсу [22, с. 61], значит, что "мысленная речь, если она направляется какой-нибудь целью, есть лишь искание или способность к открытиям".

Отправной посылкой в распространенной ныне на Западе методологии анализа понятий является постулат, что именно понятие определяет строй предложения, а не наоборот. Из такого подхода вытекает следующий ряд: анатомия, реконструкция и формулирование понятий. Говоря об анатомии, речь ведут о вычлениении составляющих элементов данного понятия, т.е. его характеристиках и свойствах. Под реконструкцией понимается перестановка и расположение этих элементов в упорядоченном и логически стройном виде. Формулирование понятий включает в себя выбор определения или определений на четких и ясных основаниях. С этой точки зрения важно определить, какое именно содержание вкладывается в само понятие "политология".

Для политологического анализа проблему представляет многозначность, или полисемичность, понятий и терминов. Все слова полисемичны — имеют не одно, строго заданное значение, а несколько значений. Сложность состоит не только в множестве значений каждого отдельного слова, но и в возможности смешения этих значений, а также неясности, какое значение в данный момент подразумевается. В качестве примера можно привести понятие "идеология", с которым связаны самые разные смысловые ассоциации: идея, доктрина, теория, наука, вера, притворство, ценность, убеждение, миф, утопия, истина, познание, классовый интерес и т.п. Это же можно сказать о других основополагающих понятиях и категориях политологии, таких, как власть, политика, свобода, права человека и т.д.

Помимо проблемы многозначности, полисемии тех или иных понятий существует также проблема синонимии, поскольку разные понятия могут означать одно и то же. Поэтому сами понятия "власть", "свобода", "демократия", "равенство" и т.д. нуждаются в тщательном исследовании, установлении их конкретного содержания в конкретном контексте.

Еще одна проблема, стоящая перед политологом, состоит в том, чтобы разобраться в разном и разночтении определений и формулировок, которые имеют различные категории политологического исследования. Типичный пример — термин "политическая культура". По подсчетам специалистов, в настоящее время существует несколько десятков определений. То же можно сказать о понятии "политика". В Оксфордском словаре приводятся четыре его значения, два из которых связаны с политикой как определенным видом деятельности, а два — как с объектом изучения и анализа. Здесь "политика" одновременно выступает как теория, наука и вид практической деятельности. Отсюда очевидно, что вопросы, связанные с языком и

разработкой понятийно-категориального аппарата должны занимать одно из центральных мест в политической науке.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Что понимается под методологией политологического исследования?
2. Каковы основные принципы бихевиоризма?
3. В чем состоят недостатки и причины кризиса позитивизма и бихевиоризма?
4. В чем состоит научность политической науки?
5. Что подразумевается под политической символикой?
6. Назовите основные принципы политико-культурного подхода.
7. Какое место в политологическом анализе занимают объяснение и понимание?
8. В чем состоит системность политической науки?
9. Назовите основные принципы системного анализа.
10. Назовите основные принципы сравнительного метода.
11. Почему политологию называют междисциплинарной наукой?
12. Дайте общую характеристику политического языка и понятийно-категориального аппарата политической науки